Ася Невеличка

Прайс на мою студентку

Ася Невеличка

Прайс на мою студентку

«Автор»

2019

Невеличка А.

Прайс на мою студентку / А. Невеличка — «Автор», 2019

Карьера профессора-ректора зависит от принятого сгоряча пари и от девушки, которая достанется ему на перевоспитание. – Если я приглашу девушку на новогодний фуршет – ты откажешься от финансирования? – Не просто девушку, а ту, которую выберу я. Я не чувствовал угрозы в его словах. – Останови здесь. Видишь тех двух цыпочек? – Ну нет. Я не потащу шлюху в дом к матери. – Потащишь, а через четыре месяца представишь её, как свою невесту! – Чо-как, мальчики? Сегодня на двоих скидка. Берёте? – Садись в машину, – процедил я сквозь зубы. Книга содержит нецензурную брань.

© Невеличка А., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Роковое пари 8
Глава 2. Дембель и панель 12
Глава 3. Конфетка из г…вна 18
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Ася Невеличка
Прайс на мою студентку

© Ася Невеличка

* * *

Пролог

– Останови.

– Здесь? – я с недоумением оглядел неожиданно оживленную улочку на окраине района.

Может все эти разряженные девицы вышли подышать свежим воздухом из ночного клуба? Но вместе с нами вдоль тротуара медленно двигались и другие автомобили, словно присматривались к…

– Да. Посадим тех двух цыпочек.

– Ну уж нет! Хочешь шлюх – сажай в свою машину, – брезгливо поморщился я.

Черт! Я пожалел, что пошел на поводу у Баграта и уехал из центра, где проблематично нарваться на такой сорт женщин.

– Придется Швайгер. Придется посадить не только в машину, но и подвезти к своей квартире, – усмехнулся Тармуни. – Теперь играем по-крупному. Не забыл?

Я стал догадываться к чему он клонит:

– Ты же не собираешься подселить ко мне шлюшку? Под одной крышей с моей матерью?

– Именно это и сделаю, – оскалился Баграт. – Ты сам меня заставил, а я не хочу упрощать тебе условие.

– Но шлюха? – ему ли не знать, как я бесконечно брезглив, особенно в интимных связях.

– Это пока шлюха. Но через четыре месяца ты сам представишь её как свою невесту. На новогодний фуршет случайных девиц не таскают. Или ты готов сдаться?

Вот этот ответственный момент.

Сдаваться я не собирался, слишком многое оказалось поставлено на выигрыш в этом глупом пари, которое перестало быть просто дружеским соперничеством, из-за поставленного председателем условия. Теперь решался вопрос карьеры – всё или ничего. И кроме как на свой опыт, образование и воспитание, мне больше не на что рассчитывать.

Зато всё по-честному.

Но проплывающие за окном размалеванные рожи уличных давал, оптимизма не внушали. И умом я понимал состояние Тармуни! От его опыта и образования сейчас ни-че-го не зависело. Ему придется только наблюдать со стороны и ждать мучительно долгие четыре месяца, сорвусь ли я, подведет ли девушка, выбранная им.

Так что, я его отлично понимал и не завидовал. В этом пари его партия намного сложнее моей.

– Тормози. Возьмём эту.

За границей освещенного уличными фонарями и вывесками клубов тротуара, свет фар выхватил две одинокие фигурки, жмущиеся друг к другу.

– Эту – которую?

– Сейчас решим. Девушки, работаете?

– Ну! – тут же включилась в разговор полненькая с сальными темными волосами, сбитыми в непонятный колтун на голове.

Баграт тоже поморщился. Черт, во что я ввязался?..

– Садись в машину.

– Не, я сёдня на двоих не даю. Берите её.

Из-за спины показалась вторая, худая, высокая, сутулящая, чтобы не так выделяться на фоне низкорослой подруги.

– Садитесь обе. По пути разберемся.

– Ха! Ты нас за лохушек то не держи. Бабки мне щас, а её берите. И если чо, я номер вашей тачки сфотаю! У нас есть парни. Они накостыляют, если чо ей порвёте.

– Лесь, ну его… Я не пробовала сразу с двумя, – неуверенно мямлила длинная, неловко переминаясь на шпильках.

– Вот и опробуешь. В жопу у нее в первый – двойная такса.

– Оборотистая сутенерша, не находишь? – повернулся ко мне Барт, прерывая прикидки, во сколько мне обойдется преображение одной из этих девиц. – Но за деньги ты ее живо выдрочишь.

Баграт снова отвернулся к окну.

– У тебя образование есть? Сколько классов закончила?

– Зачем ей образование? – снова влезла вместо длинной полненькая. – Члены сосать обучена, ну и ладненько. Берём или валим дальше?

Тармуни хохотнул и потянулся за бумажником.

– Сколько?

– Ну… эта…

Полненькая уставилась в развернутый бумажник, нервно шевеля губами и облизывая их, не в состоянии сориентироваться в цене.

– Пятихатка в час, – выступила вперед подруга, наконец-то давая разглядеть себя в отражении боковых фар. – Чо-как, мальчики? На всю ночь двоим скидка. Если прям щас. Берёте?

– Садись в машину, – процедил я сквозь зубы, и как только длинная забралась внутрь, выкинул из окна пятитысячную купюру.

Вжал педаль газа в пол и вырулил на автостраду.

– По очереди будете или на хату метнёмся? – к девчонке снова вернулась неуверенность.

– Хм, – развернулся боком Баграт. – А может действительно «метнуться на хату», а, Андрей? Опробуем, раз уж заплачено, а потом делай с ней, что хочешь.

Я видел в зеркало заднего вида, как округлились глаза на худом лице шлюшки.

– Нет. Она уже моя.

– Эй! На ночь! – воскликнула девица на высоких тонах, что я невольно поморщился.

– Ты не стоишь этих денег. Вот как будешь стоить пять тысяч в час, так сразу отпущу.

– Пять косарей в час? А чо, так можно?

– Так нужно.

Глава 1. Роковое пари

В очередной раз обвел взглядом присутствующих в зале. Элита интеллектуальной тусовки. Здесь нет ни одного простого человека, кроме официантов, обслуживающих вечер. Все ученые мужи со степенями и корочками, дамы с кандидатскими и докторскими.

Да… Это мой мир, где я чувствую себя комфортно. Где у меня есть преимущество в молодости и незакостенелости. Ведь как не пыжься умом, с возрастом все равно становишься стойким консерватором, неповоротливым, упёртым и пассивным.

Так что я почти принц в обществе самых умных. Но профессоры и академики считают меня выскочкой. Должен признать, не без этого. Мои арийские корни и связи помогли достаточно быстро занять завидное место ректора в престижной столичной Академии.

И вот я на равных в этом зале со всеми столпами ученых светил страны, съехавшимися за распределением грантов перед началом нового учебного года.

– На грант Министерства образования и науки РФ по международному обмену и обучению студентов претендует два лидера…

Два?

– …Всероссийская академия международной торговли…

Я удовлетворенно кивнул, зная, что выбьюсь в претенденты.

– …И Государственная академия гуманитарных наук.

Черт! Я нашел взглядом ехидно улыбающегося соперника. Баграт Тармуни. Что ж, в нашем царстве не без урода. Тармуни, наверное, единственный достойный конкурент мне в этом обществе, но ни разу не уводил ни одного гранта у меня из под носа.

– Совет по распределению грантов решил в этом учебном году передать финансовую поддержку, – член Совета, оглашающая результаты, сделала паузу, а у меня от напряжения заложило уши. Грант точно станет моим. У меня столько планов по обмену студентами. Я выйду на международный уровень, заключу прямые договора с ведущими колледжами Америки и Англии, сделаю постоянный канал обмена с немцами. Я смогу. А там недалеко до триумфального возвращения на историческую родину. Мутер[1] будет в восторге!

– Баграту Тармуни, Государственная академия гуманитарных наук. Поздравляем!

Что?!

Я слышал только скрежет собственных зубов, пока с ненавистью наблюдал, как этот напыщенный хлыщ поднимается на сцену, поправляя браслет своих выпендрежных часов, и улыбается распорядительнице в тридцать два зуба.

Была бы возможность, я проредил бы его улыбку в половину. Попробовал бы он тогда поулыбаться!

Баграт взял сертификат из рук распорядителя, как всегда склонился к запястью и поцеловал, от чего мое лицо перекосило, а затем нашел меня взглядом и победно усмехнулся.

Так… Нечестная игра? Дамский угодник подсуетился? Мне стоит это выяснить. Уже были прецеденты, когда гранты передавали другим претендентам, если доказывалось, что выбор в Совете фальсифицировали.

Я следил за Тармуни весь остаток вечера, пока раздавали другие гранты. Моя Академия изначально претендовала всего на три. Два я успешно взял, третий, самый важный, ускользнул из моих рук. Этого я не ожидал.

– Думал, мы друзья, – процедил я, дождавшись окончания официальной части и пробившись в фуршетном зале к Баграту Тармуни.

[1] Mutter (нем. перевод) – мать.

– Мы – братья! – растянул губы Баграт, поворачиваясь ко мне и хлопая по плечу. – Чего приуныл? Ну увёл я у тебя один грант, ты же не в обиде?

– Барт, я тебе популярно объяснил, что моей Академии обмен нужнее! Кем будешь меняться ты? Художниками? Или натурщиками?

Баграт щелкнул языком:

– Натурщиками! Как я сразу не подумал? Скорее натурщицами…

– Тебе смешно? Ты только что угробил год моей работы.

– Годом больше, годом меньше. Может, я не хочу, чтобы ты сваливал отсюда, брат? Мне нравится соперничать с тобой. К тому же, я выхожу в лидеры.

– Ты? Не смеши, – я по инерции перехватил у официантки фужер, и только поднес к губам, как вспомнил, что за рулем, и с сожалением попросил заменить на воду.

– Конечно, Андрей Оттович, – пискнула девушка, и я с неудовольствием признал в ней студентку второго курса, хотя нет, уже третьего.

– Барт, я третий год доказываю, что из нас двоих, ты – везунчик, а я всего добиваюсь благодаря способностям…

– …Уму и таланту, – занудно закончил за меня Баграт.

– Именно, – подчеркнул интонацией, забирая из рук зардевшейся студентки запотевший бокал с холодной водой. – Благодарю. Можете идти…

Слова вырвались машинально, но дисциплина в моей Академии жесткая, девушка тут же пролепетала «спасибо» и испарилась.

– Так и не подпускаешь к себе ни одной? – усмехаясь, кивнул студентке вслед Баграт.

– А ты все также не пропускаешь ни одной? – буркнул я, заранее зная его ответ.

Горная кровь моего названного братца всегда бурлила в венах и тянула его на приключения. В отличие от моей, требующей сдержанности и хладнокровия.

– Зачем? Теперь с ректорским титулом они сами запрыгивают ко мне на колени.

Я этого не одобрял. В моих пенатах личные связи, тем более между преподавателями и студентами, были строжайше запрещены, вплоть до отчисления.

– Что думаешь делать с грантом?

Тармуни неопределенно пожал плечами:

– Пока не решил. Завезу себе немецких цыпочек, проверю их в деле.

Баграт подмигнул, не переставая шутить и подначивать меня.

– Откажись! У тебя даже планов на обмен нет, а я с зимы подготовил кафедру по международным коммуникациям, нанял новых преподавателей по иностранным языкам. У меня программа по эклектике…

– Ха, кстати, вот и план. Я тоже найму новый штат и введу эклектику. Отличная идея. Спасибо за подгон.

– Стоять.

Мне показалось, что к концу вечера от зубов ничего не останется, я их сотру от бешенства, которое вынужден скрывать в силу воспитания.

– Эндрю, – миролюбиво протянул друг, зная, что это обращение меня взбеленит еще больше. – Я же тебе не пёс, чтобы реагировать на команды. Ты еще сахарную косточку достань.

– Не насмехайся, ты все еще мой друг, но впервые встал на моем пути. Я надеюсь договориться. Здесь. Сейчас.

– Хочешь забрать этот грант? По обмену? Но на каком основании? Твоя Академия лучше моей? Нет. Мы сделали тебя, по одному показателю, но сделали!

– По одному? Ты видел результаты?

Баграт кивнул, разглядывая кого-то за моим плечом.

– Так ты подсуетился и подогнал показатели, чтобы взять грант?

Этот чертов русский менталитет! Не могу сказать, что я чувствую себя чужим, но вот давать взятки, обходить правила, пользоваться связями так и не научился, хотя мутер неустанно и до сих пор повторяет, что это должно быть у меня в крови. Но нет. Я всего добиваюсь трудом, усердием и правдой.

А возможно нужно было подойти к председателю Совета и подогнать ему бутылочку брендового коньяка.

– Я просто выгулял дочку председателя, – хохотнул Баграт, подтверждая мои мысли.

– Всего лишь, Барт? Ты не можешь обойти меня в честном соперничестве. Ведь я в любом случае буду иметь преимущество перед тобой, если на горизонте не окажется девушки, которую выгодно «выгулять».

– Снова тыкаешь мне в необразованность? – усмехнулся он. – Или расписываешься в собственном бессилии перед прекрасным полом?

– Что за ерунда? Если я не вставляю каждой студентке и коллеге, это не делает меня импотентом!

– Ты просто не можешь объединить науку и красоту, Андрей. Не в состоянии придать огранку прекрасному.

– Оставь свои аллегории. Что ты хочешь за грант?

– Пари. Давай заключим пари. Ты приводишь девушку на новогодний прием, представляешь ее коллегам, всем нашим прославленным ученым, и если она не сядет в лужу до конца вечера, считай, что доказал свое превосходство в образовании и воспитании.

– Значит, если я смогу достойно представить девушку на новогоднем фуршете, то ты откажешься от гранта?

– Не просто девушку, а ту, которую выберу я.

Я не чувствовал угрозы, ну кого он здесь сможет выбрать? Все девушки на этом приёме или дочери учёных мужей или официантки, которые к тому же студентки моей Академии.

Баграт вдруг низко поклонился.

– Степан Матвеевич! Какой восхитительный прием! Вы с каждым годом делаете этот августовский вечер все более роскошным и незабываемым!

Степан Матвеевич Слободский – председатель Совета распределения грантов.

Я расслабил мышцы лица, чтобы как можно непринужденнее улыбнуться ему, гоняя в голове, сможет ли презент сейчас исправить досадное недоразумение и вернуть грант в мою Академию без всяких глупых пари.

– Мальчики! Как я рад, что вы все же отложили драку.

– Ну что вы, Степан Матвеевич! – продолжал заливаться горным соловьем Баграт. – Швайгер уже терзает мне когтями глотку. Немецкая зависть.

Председатель хохотнул, внимательно разглядывая меня.

– Что же ты, Андрей, не зашел к нам на день рождения Лилечки?

Черт. День рождения дочери в конце июля и мне приходило на него приглашение, но я предпочел поездку в Австрию.

Не снимая с лица улыбку, я быстро глянул на Тармуни, тот подмигнул. Так вот что это за единственный показатель, где друг обошел меня? Из-за моего пренебрежения чужим семейным торжеством, я перечеркнул год работы, исполнение своей мечты и получение гранта!

– Степан Матвеевич, я думал, что нетактично нарушать приватность семейного события.

Баграт захохотал:

– Вот он во всем так, Степан Матвеевич. Как выпускать его на международный рынок, если он до такой степени воспитанный?

Я не понимал их юмор, но чувствовал за весельем некую подъёбку.

– За воспитанием стоит образование, Баграт, я уже говорил и могу доказать.

Друг посерьезнел:

– Давай! Раз и навсегда закроем этот вопрос.

– Так-так, голубчики, о чем, собственно, речь?

– О гранте, Степан Матвеевич, – повернулся я к председателю.

– Андрей усомнился, что я честным путем увел у него грант.

– Сомневаюсь, – подтвердил я. – Баграт отлично коммуницирует с девушками, но не способен вбить им в голову образование, чтобы оно в них удержалось!

– Поосторожнее со словами, Андрей. Вбивать в голову девушке я научен! Ты можешь задирать свой немецкий нос, но сам-то коммуницировать с девушками так и не научился. Куда тебе приезжие студентки? Что ты им вставишь в рот… Э-э… Я имел в виду – в голову. Вложишь. Ты.

Баграт отступился, поняв, что в запале промахнулся.

– Это всего лишь пари, Степан Матвеевич. Я предложил Андрею продемонстрировать свои навыки за четыре месяца.

Тармуни коротко пересказал условия сделки, подчеркнув, что за четыре месяца сам успеет подготовить документы на перевод студентов и утвердит план по работе.

– Что ж, – вздохнул председатель, – вижу неразрешимую проблему в молодости и горячности – они часто идут рука об руку. Но выступлю арбитром вашего пари. И у меня будет дополнительное условие, что определенно подстегнет ваш интерес.

Баграт напрягся, и я сделал вывод, что это совершенно спонтанное участие председателя, а не запланированное, с целью проучить меня за невнимательность к его дочери.

– У нас в Министерстве грядет очередная реструктуризация и сокращение. Будут проверки, отзывы лицензий, сокращение негосударственных учебных заведений. Да-да. В то время, как в образование и науку надо вкладывать и развивать, нас ужимают и экономят. Но я вот к чему. Как раз хотел вам, друзьям, предложить договориться о слиянии академий в одну.

– Что?

– Как? Зачем?

Председатель хмыкнул.

– Но теперь это дополнительное условие вашего пари, господа. Кто выиграет его, получит гранты обеих академий и ректорство. Проигравший возглавит филиал в должности проректора. Как вам такой расклад?

Мы с Багратом застыли. Я не мог пока осознать, как глупое шуточное пари переросло на новый уровень конкуренции.

– Да, мальчики, тяжелые времена, сложные решения. Но рад, что могу предложить вам замечательный вариант работы в тандеме без ущерба для обеих академий.

Степан Матвеевич подмигнул, пожал нам руки, пониженным тоном закрепив условия пари, и двинулся навстречу к чиновнику из Министерства.

– Что это было? – отмер Баграт.

– Повышение ставок, друг. Теперь это не просто вызов мне, а ставка на карьеру.

– Хм, ты же понимаешь, Андрей, что и для меня неожиданно ставки выросли в разы? Я сейчас о-очень заинтересован, чтобы ты облажался.

Я кивнул. Мы смерили друг друга жесткими взглядами.

– Поехали искать тебе ученицу!

– Разве ты выберешь её не здесь?

– Здесь? Пфф! Вот ещё. Ставки выросли. Теперь девушка – мой проходной билет к должности ректора объединенных Академий!

Глава 2. Дембель и панель

– А я ей: ещё раз, тварь, подойдешь к нему – волосы повырываю.

– А она чо?

– А она: ой, типа, напугала, еще кто кому. И морду корчит.

– А ты чо?

– А я ей в морду вцепилась! Ну, думаю, тварь, дотянись попробуй.

– А она чо?

– Заверещала, чо. И Лёха выскочил такой из-за угла и ну на меня орать.

– А ты чо?

– Маш, а я то чо. Выпустила эту выдру и тоже на него орать.

– А он чо?

– Блять! – я отдернула плойку от уха, ваще забывая, что накрутила на нее волосы. – Твою мать!

– Садись давай. Кто у нас мастер по херам? Я.

Машка усадила меня на перекошенную тубаретку, действуя как заправский парихмахер.

– Я думала, мастер по херам – это проститутка.

– Сама ты, Ленк, проститутка. Хер – это волосы по-англицки. Вот у тя – блонд-хер. И нас уже давно не принято парихмахерами звать – мы теерь мастера по волосам. Но по продвинутому – по херам.

– Ого, круто. А я теперь тож не портниха, а дизайнер. Охренеть, скажи?

– Похер. Сиди – не дергайся. Ну чо там с Лёшкой?

– А ничо… Гандон он. Мразюка. Он этой выдре письма писал. Я, блять, его ждала, а он, мразь, ей письма писал. Прикинь?

– Да ты чо? – протянула Машка и прижала горячую плойку к шее.

– Твою мать!

– Ой-ой, прости, Лен. И чо теперь?

– А ничо. Эта тварь залетела раньше меня. Успела, падла. Теперь у них свадьба, – горько подытожила я. Ну а чо мне теперь то страдать? Я уже неделю сопли на кулак наматывала.

– И чо думаешь?

– Еду в столицу, Маш. Помнишь нашу однокашку, Леську?

– Пыжикову, штоль?

– Её, – кивнула я. – Позвонила ей, грю, чо-как, чем занимаешься в столице нашей родины.

– А она?

– Грит, бабло лопатой гребу. Тут, грит, немеряно бабла.

– А кем она там?

– Ну тоже, как ты – херов мастер.

– И чо, реально гребет?

– И зовет меня к себе.

– Да ты же нихера не сечешь в волосах!

Я закатила глаза:

– Маш, ты думаешь, там только парихмахерам платят?

– И чо ты задумала? Колись давай.

Машка, вооружившись моей плойкой, нависла надо мной и сдвинула брови. А я чо? Я уже всё для себя решила.

– Уеду я, Машка, в столицу. К Леське. Та обещала пристроить.

– Из-за Лёшки? Из-за этого казла? Да насри ты на него!

– Уже. Три кучи. Время только жаль, потеряла. Могла бы раньше мотнуться и заработать. Но ничо, я и сейчас своё урву. За год набашляю дофигища бабла, поступлю учиться…

– Чо-о-о? – недоверчиво протянула Машка.

– Да, учиться, чтоб еще больше зарабатывать. А потом куплю красную машину, квартиру в столице и шубу. Приеду и скажу Лёхе: «выкуси, мразь».

– Кру-у-уто!

– А то!

С тубаретки я все-таки навернулась, башкой приложилась. И вот лежу я, а надо мной Машка все еще с плойкой нависает.

– Не убилась?

– Неа.

– Ты очень круто придумала. Едь к Леське. Если слишком много бабла будет, зови, я тоже примчусь. Все же мастерам по херам проще сработаться, чем портниху перпорфилировать.

– Чего?

– Ну, сама ж сказала, бабло на учебу надо. А я ж уже умею.

– Ага. Ладно, Машка. Помоги сумку собрать. Я на ночном автобусе с барыгами ломанусь.

* * *

Мужик даже вблизи оказался охрененный. Я бы ему и за так отсосала. Сосала же Лёхе бесплатно? Хотя тогда я думала, что замуж пойду за него. Но не сложилось. А вот этому могла бы за так. Только Леська меня бы на вокзал к бомжам выперла.

Леська оказалась настоящим мастером по столичным херам. И они не имели никакого отношения к волосам и парихмахерам.

Сначала я выпала и уже навострила лыжи обратно, но довод разума от той же Леськи усадил меня обратно на продавленный диван.

– Чо ты в этом зачуханном городишке еще не словила? До пенсии бушь раскраивать семейники местным алкашам? Рвать на себе волосы от нищебродской жизни? Затыкать рты чумазым долбоёбам? Кароч, можешь сваливать, но я, как сраная фея, предлагаю тебе остаться и исполнить свою мечту.

– Я не мечтала члены обсасывать за деньги…

– А ты думай о бабле, тогда сосать вкуснее. Знаешь, как возбуждает? Только я работаю на свой страх-риск, без прикрытия. Там охренеть сколько бабла отбирают, когда крышуют, а девки всё одно пропадают. Но у меня всё просто. Я встаю чуть дальше, шоб не светиться, и сама присматриваюсь с кем поеду. Вдвоем будет проще – одна работает, вторая на стрёме. Мне как раз подлечиться надо, подцепила тут от одного долбоёба… Так что я страхую, ты пока бабло рубишь. Мордашка у тебя свеженькая, ценник в два раза задерем.

И я согласилась. В конце концов, дома никто не узнает, чем я тут занималась. А деньги не пахнут. Когда куплю квартиру и машину, вернусь вся такая образованная с дипломом, никто не посмеет ткнут в меня пальцем.

– Вон ту тачку видишь? Наш клиент. Сомневающиеся. Титьки поправь, чтоб из выреза видать было. И ближе к дороге пойдем.

– Лесь, их двое, а ты говорила, работать мне одной.

– Ну, двое. Двойной прайс с каждого. Отличный старт, Ленка. И имя выбери себе какое-нить выпендрежное. Они такие любят.

– Не знаю… Алёнка?

– Срать тебе в пелёнку! Выпендрежное надо. Ну, возвышенное, типа. Я вот нихера не Леська, а Лель. Думай пока. Останавливаются. Надо их брать – вон там крышующие амбалы

уже косятся в нашу сторону. Приметили, твари. Если сейчас денег не срубим, придется менять место…

– Девушки, работаете?

– Ну! – Леська быстро подошла к открытому окну тачки.

Я с ужасом разглядывала своих первых возможных клиентов. В целом неплохо, но два?!

– Садись в машину, – сказал тёмненький, кавказской наружности.

Черт, не люблю черных, но этот хоть чистенький, незаросший…

– Не, я сёдня на двоих не даю. Берите её.

Ну, вот и распахнулась дверь к моей мечте. Но чёт ссыкотно.

* * *

Я два раза чуть под себя не пустила. Только б Леська не обманула и сфотала их зад. Хотя, когда меня найдут распнутую этим маньяком, мне уже фиолетово будет, что с ним сделают.

Он пугал меня своим каким-то ненормальным спокойствием. Высадил чернявого, а меня повёз дальше.

Пять косарей за час кто платит? Или что он со мной будет делать, что это стоит такого бабла?

Чем дольше я гоняла, что со мной за час можно натворить, тем быстрее седела. Хотя Машка перед поездкой мне вытравила волосы, корни еще не отросли, а перед первой рабочей ночью я еще тонирующим шампунем у Леськи намылась.

Этот за час, не моргнув, может лишить девственности мою жопу, вспороть живот и развесить кишки.

– Как тебя зовут? – голос спокойный, холодный.

Если не думать, что он сделает со мной в следующий час – он реально охрененный.

– Ми… Милена.

Он поморщился. Чо, недостаточно выпендрежное имя?

– Образование какое?

– Чо?

– «Чё»! «Чё», твою мать!

Он замолчал, увозя меня все дальше и дальше. Ну хотя бы не в лес… И вроде не в гаражи.

– Справка есть?

– Чо?

Зачем ему моя справка? Или он больных принципиально не вспарывает?

А! Сначала же трахнет. Вот и нафига я позарилась на бабки? Куда они мне выпотрошенной?..

– Проблемы со здоровьем?

– Не, тут всё норм. Здарова. Но без справки.

– Жаль. Сегодня переночуем в отеле. Я не могу тащить тебя домой без проверки.

Кажется, внутри отпустило. Настолько, что я снова чуть не надула, но теперь от накатившего облегчения. Значит, до утра я проживу, а там Леська ментов поднимет на ноги. Я ж только на ночь, типа. Значит, утром должна бы вернуться.

Отель оказался шикарным. Прям на десять звезд!

– Два номера, желательно соседних. Один должен закрываться на ключ.

– У нас все двери закрываются изнутри, господин Швайгер.

Швайгер? Немец что ли?

– Есть номер закрывающийся на ключ снаружи?

– Нет, таких номеров нет.

Ха, обломись, фриц-маньяк! Если намекнуть девушке, она догадается вызвать ментов и вызволить меня?

– Тогда один номер, – тяжело вздохнул мой фриц, – с раздельными кроватями.

Мои намёки девушка приняла за нервный тик. А немец спокойно подхватил меня под локоть и втолкнул в лифт.

– Сколько тебе лет?

Опомнился!

– Двадцать.

– Выглядишь на все тридцать. Дети есть? Муж?

Я замотала головой. Мог бы быть и муж и дети, вот только он после дембеля не между тех ляжек стрельнул.

– Родители?

– Конечно, есть!

Его немецкая морда скривилась, снова щупая меня своими глазами.

– Как они могли допустить, чтобы выпустить молодую девушку на панель?

Он поджал губы, а меня прям взбесило!

– А оне тож так сказали, выглядишь ты, Ленка, на все тридцать, так иди въёбывай! И я пошла.

– Ленка, значит? – фриц фыркнул и вытолкал меня из лифта на седьмом этаже.

– Да как хошь. Хоть Алёнка.

Он открыл семьсот двадцать третий номер и пропустил меня вперед. Я аж отморозилась. Вот не думала, что в гостинице может быть так богато!

– Давай сначала в душ, потом поговорим, – неуверенно пробормотал немец. – Хотя… Лучше сначала я.

И снова застыл в дверях. Ага, соображает, что стоит ему снять труселя и я тут же помашу ему ручкой. Не, даже махать не буду, просто свалю как можно быстрее и дальше.

– Сначала поговорим, – уже тверже сказал фриц и кивнул мне на кровать у окна.

Я трюкнулась и уставилась на маньяка. Набрасываться и трахать он чёто не торопился. Ну а чо я хотела? Что он начнет раскладывать ножи из чемоданчика? Так у него и чемодана то нет.

– Я ректор академии, профессор, доктор педагогических наук в сфере теории и методики профессионального образования.

– Ого, – припухла я.

– И в данный момент оказался в очень щекотливой ситуации, выйти из которой можешь помочь только ты.

Я реально силилась понять, что мне втирает немец, но все на чем могла сосредоточиться, это как он приближается и нависает надо мной. Значит, точно будет трахать, а щас зубы заговаривает. Зачем? Я ж уже согласилась.

– Ну ладно…

– Отлично. Тогда набросаем условия и завтра, сразу после клиники, подпишем контракт.

Я снова кивнула, чувствуя, как кружится голова. То ли от его одеколона, то ли от странного скребучего голоса, от которого аж мурашки по заднице бегут.

– Контракт планирую на четыре месяца. Готов покрыть твои издержки. Родители не против будут твоего обучения?

Как молотком по башке получила, глаза сразу распахнулись и я переспросила:

– Какого обучения? Где?

Фриц застыл, потом съязвил:

– Не на панели. По тем наукам я докторскую не защищал.

– Вы врач?

Он закатил глаза и хлопнул себя по лбу. И я зуб готова поставить, что выдавил сквозь зубы «блядь».

– Как с тобой разговаривать? Ты хоть что-то поняла из того, что я сказал ранее?

– То что вы доктор, это я поняла. Но вот чему вы меня собираетесь учить, если сами ничё не умеете – не поняла.

– Твою мать!

Ха, ну может тогда он тоже «мать» сквозь зубы выдавил. Похоже ж.

– Но мать против не будет, – поспешно уверила его я, чтобы он еще больше не расстроился. Расстроенный клиент – плохой клиент, как учила меня Леська. Хотя вот с Лёхой после ссоры у нас всегда был отменный трах! Но не после последней. Там уже я не дала. А послала его прямым пешим к выдре.

– Мать у меня вообще в другом городе. Ей насрать. Она даже не узнает. Если, – тут же вставила я, – со мной все будет норм. Жива там, здорова. К тому же Леська ваш зад сфотала!

– Что сфотала? Кто?!

Ну не понимаю я этих немецких реакций. Я его успокаиваю, а он только сильней заводится. Достал, бля.

– Ты трахать меня будешь? Давай уже, время то идет. Утром я сваливаю.

– Четыре месяца и э-то… Черт. Я не успею. Далеко, говоришь, мать? Не узнает? Иди в душ, я сегодня похоже уже не усну.

– Чо?

– Дуй мыться! Так понятно? Смой с себя всё… это… Мне надо видеть весь ужас до конца.

Упрашивать меня не пришлось. Раз он отправляет подмыться, так это я мигом. Раз клиент созрел – мне же лучше. Щас доктора обслужу и свалю по быстрому.

– Дверь оставь открытой.

– Эт еще зачем?

– Я должен убедиться, что ты не… как это на вашем? Не шыряешься. Руки покажи. Чисто. Иди. Дверь не закрывай.

У-у, фриц! Ну ничё, ночку я потерплю, а потом надо с Леськой поговорить, чтоб под таких ёбнутых на всю башку не подкладывала.

* * *

Вот не думала, что клиенты могут быть такими мелочными.

Этот фриц неудовлетворился моим подмыванием и загнал в душ целиком, хотя я сказала, что голову перед работой только намыла. Он молча включил кран и сверху меня окатило водой. Я даже снять с себя футболку с юбкой не успела.

Всё промокло. А когда я попыталась выставить его из душа, чтоб раздеться, он ваще сложил руки на груди и подпёр стенку. Смотреть приготовился.

И ладно бы просто смотрел! Эта гнида еще перечислял, что видел и что ему, видите ли, не понравилось.

– Волосы неживые. Серые, паклей. Обрезать. Да, определенно стрижка…

– Э!

– Зубы отбелить.

– Чо?

– Кости торчат. Проверить на гельминтоз, сделать профилактику, сводить к диетологу, откормить.

– Отвернитесь, вы своей херней сводите меня с ума!

– Маникюр и педикюр. Еще полное скрабирование тела. Ты мне влетишь в копеечку, Лена-Милена.

– Вы вот щас о чем?
– Проверить моторику, рефлексы.
– Мне?!
– Тесты на память, на свето- и цветоопределение. Какое у тебя зрение?
– А я откуда знаю?
– Ага, значит, завтра помимо анализов и осмотра еще по всем специалиста прогнать.
– Меня?!
– В вашем роду были родственники с умственными отклонениями?
– Чо?
– Дауны, олигофрены? Аутисты?
– Я вас… не понимаю…
– Анамнез семьи. Да, это будет самое сложное. В семье курят, пьют?
– Да.
– Что «да»?
– Ну-у… курят, пьют…

Он закатил глаза, вздохнул и наконец-то вышел! А я поняла, что он совсем не охрененный, как мне показалось вначале. Фриц реальный псих, хоть и прикидывается доктором. Лишь бы выпустил живой!

Я замоталась полотенцем и с обреченным видом пошлёпала к своему маньяку.

Вот не думала, что быть столичной проституткой так трудно!

Глава 3. Конфетка из г…вна

После третьего круга объяснений и максимального упрощения конструкции речи, я сдался. Велел ей ложиться спать, а сам подложил под спину подушки и сел, вытянув на кровати ноги и откинув голову, чувствуя, как ломит виски после тяжелого дня.

– Ты всегда спишь в обуви? – хмыкнуло чучело из-под одеяла с соседней постели.

– Я не сплю.

– По чесноку, я вымоталась. Ты такой занудный, что я чуть не заснула где сидела. Так что трахаться будем потом. Я сосну часок.

– Что ты сделаешь?

– Чо-чо! А еще меня передразнивает, оливкохрен.

– Спасибо, Тармуни, ты почти сделал задачу невыполнимой!

– Вот только над ухом не занудствуйте. Как вас жена терпит?

– Я не женат.

– Вот ни разу не удивлена! У вас даже до траха не доходит, как невеста сваливает. Угадала?

– Спи.

– Снимите ботинки – меня пиздец бесит, что вы обутый в кровати!

– Хм! Скажите пожалуйста!

Но все же спустил ноги с постели и снял ботинки, сдерживая вздох облегчения. Надо же, не замечал, как ботинки сдавливают ноги.

– Легче? То-то. Лан. Я спать.

– Спокойной ночи.

– Споки-ноки.

– Что? Черт… Спи.

За ночь я набросал проект договора по оказанию услуг по обучению и экзаменационной презентации через четыре месяца. Потом удалил документ. Если я не смог донести до этого чучела простым языком, чего от нее хочу, то договор с условиями на семи страницах ее точно напугает.

Это утро я решил посвятить наглядному примеру.

– Доброе утро, Елена, – с улыбкой разбудил я чучело, рывком раздергивая шторы на окнах и подкатывая к кровати столик с легким завтраком.

– А? Чо? Фриц? Я думала, мне приснилось…

Спокойно! Спокойно, Андрей.

Сейчас от моих манер и воспитанности очень многое зависит.

– Елена… Или угодно Милена?

– Не, Лена – норм.

– Отлично. Тогда я к тебе обращаюсь «Елена», а ты зовешь меня Андрей Оттович.

– Как? Отчевич? У тебя обострение?

– Над терпением мне еще предстоит поработать. Вот завтрак. Ешь. Вот униформа… Извини, что нашел. Оденешься. И едем в клинику.

Я честно старался не смотреть на её манеры. Варварские. Полное неумение обращаться со столовыми приборами. То, как девчонка запихивала полный рот еды и крошила на одеяло, давилась, запивала и кашляла.

Встал и вышел на балкон.

Это… Это полный п…ц!

Но пари отменить можно только с заявлением на увольнение, так как работать в подчинении Баграта Тармуни я не стану.

– Ну я всё.

– Рад. Умывайся, одевайся и едем.

– Ну нет, я как бы ночь отпахала и ухожу.

Я оторопел.

– Что?

– Ну ладно, не отпахала, но ты сам не захотел. Оплаченное время кончилось.

Ах да…

Я молча вытащил две купюры в пять тысяч из бумажника и сунул ей в руку.

– Сутки.

Она заторможено смотрела на смятые деньги в своей руке. Неужели принять решение взять или отказаться для нее такое сложное?

– Ну ладно. В клинику, значит? А потом к вам домой?

Я кивнул.

– Ну ладно, – повторила она, странно растягивая слова. – А зачем?

Вот теперь я поймал синеву ее глаз. Стоя против окна, я имел возможность рассмотреть мое чучело в солнечном свете. Блондинка с тонкой костью, хорошей фигурой, если все же поработать над ней, с яркими глазами, вчера показавшимися насыщенно серыми, а сегодня сияющими цветом неба. С большим ртом, слишком большим для такого узкого лица. С привлекательными припухшими губами, на которых еще остались крошки от завтрака и мазок джема в уголке рта.

– Зачем? Я расскажу тебе по дороге. Попробую еще раз.

– Тогда я Леське позвоню.

На мой непонимающий взгляд пояснила:

– Напарнице. Чтоб ментов не поднимала. Волну не гнала.

– Волну ментов?

– Ну ваш зад, помните? Чтоб не засветила!

Я промолчал, еще отчетливее понимая, что у нас двухстороннее нарушение коммуникационного обмена. Как мы будем договариваться? Кто мне сможет помочь? Мутер?

– Звони. Еще не хватало, чтобы моим задом светили перед ментами, – буркнул я.

– Во! Соображаешь. А притворялся болваном. Але? Леськ?.. Тут такое, кароче, дело…

Как договоримся, отберу у нее телефон. Связи со злачными местами надо рвать сразу и окончательно.

В машине разговора не получилось из-за слишком напряженного дорожного движения. В клинике нас сразу развели.

– Андрей Оттович! Очень рады видеть вас. Как здоровье Аделаиды Марковны?

Я дежурно улыбался, провожая взглядом свою подопечную.

– Она еще вчера чувствовала себя отлично. А как будет сегодня – боюсь предположить.

– О, если ей что-нибудь понадобится, мы готовы выехать на дом!

– Благодарю. По поводу девушки…

– Да-да, Сергей Игнатьевич ждет вас в своем кабинете. Я провожу.

Как же хорошо находиться в достойном обществе, подальше от чокающих чучел. Черт!

Сергей, мой давний знакомый и настоящий друг, сразу вник в проблему и обещал за пять часов исследовать подопечную под микроскопом.

– Вернешься к трем, когда всё будет готово.

– Отлично. Постараюсь за это время подобрать ей соответствующий гардероб. И подготовлю мутер. Хотя бы намекну.

– Будь аккуратен с Аделаидой Марковной. Ты знаешь, какое у нее чувствительное сердце!

Я хмыкнул. Мы оба знали, какое железное сердце у моей матери, но вслух принято было подчеркивать ее слабость, а не стальную хватку.

– Сергей, не спускай с нее глаз. Девица еще не в курсе моей авантюры. Может сбежать, я ее потом не найду.

– Не переживай. Поддатый, в темноте, Баграт вряд ли разглядел ее и запомнил! Потеряешь эту – заменишь подобной. А пока иди, решай свои дела. За нее не беспокойся.

Последнее напутствие Сергея заронило в душу сомнение. Смогу ли я за четыре месяца сделать из чучела девушку достойную быть представленной ученому свету столицы? Достойную стоять со мной под руку в огромном зале, полном именитых коллег?

А может действительно заменить ее на одну из моих студенток?

* * *

Мутер на звонок не ответила. Я её понимал. Обижена, что провел ночь не дома и даже не предупредил. Но в моем возрасте при каждом форс-мажоре звонить матери и извиняться, явный перебор.

Хотя в данном конкретном случае, лучше было предусмотреть ее обиду и не напрашиваться на ссору заранее.

Подобрав в бутике подходящие на вид вещи, с учетом все еще душных солнечных дней и заметно холодных, промозглых ночей позднего августа, я оккупировал столик в кафе, сделал ряд рабочих звонков и перекроил график работы с секретарем.

Впереди попечительский совет и я буду выглядеть весьма бледно, потеряв важный грант и стоя одной ногой в закрытии Академии.

Черт, если я её потеряю, какое несмываемое пятно позора ляжет на нашу фамилию! Весь выпуск одаренных менеджеров и экономистов будут выпускаться под корочками гуманитарной академии. Позор! Набор следующего года уже под вопросом, стоит расползтись слухам. А они поползут сразу после попечительского совета.

Преподавательский состав тут же будет подыскивать место постабильнее, без потери репутации в своем резюме. И я не могу их осуждать! Одно дело преподавать в престижной международной академии, другое, читать лекции в филиале при академии гуманитарных наук.

Да-а-а… И все из-за одного моего промаха. Только какого? Где я сделал первый неверный шаг? Уж точно не тогда, когда принял пари Тармуни.

– Алло? Баграт? Чем обязан?

– Адрей, я тут подумал, так как слияние еще под вопросом и нет четкого понимания кто кого поглотит, может, не будем озвучивать это на попечительском? Не хочу с самого начала года решать проблему по оттоку кадров.

– Понимаю, – протянул я, внутренне испытывая неимоверное облегчение от созвучных мыслей и правильных выводов коллеги. – Да. Совершенно не против, чтобы наше маленькое пари осталось в тайне. До конца.

– До конца. Хотел бы пожелать тебе удачи, но не могу. Я желаю удачи себе.

К сожалению, это я тоже понимал.

До трех я успел зайти в зоомагазин и купить маячок, в соседнем ювелирном мне его впаяли в серьги.

– Или лучше в браслет? Я не помню, проколоты ли у нее уши.

– Но серьги надежнее, господин. Браслет легко снять или сорвать, а на небольшие гвоздики в ушах никто не обратит внимания.

– Вы правы. Если что, проткнем уши там же, в клинике.

В три я вернулся в клинику, Сергей встретил меня с порога, приветливо улыбаясь:

– Девчуля чистенькая.

– Неужели? – не смог я скрыть скепсиса в голосе.

– Хм, не сомневайся! Заключения – моя репутация. Проверил всю, вдоль и поперек. Проблемы со здоровьем есть, среднестатистические: немного увеличена печень, застужены придатки и сейчас возможно межсезонное обострение, зубы нужно лечить четыре коренных.

– Угу.

– Но не гонореи, ни сифилиса. В общем, по заключению гинеколога, девочка словно не на панели работала, а год хранила верность.

– Может у нее еще и плева обратно затянулась?

– Ха-ха, шутник. Но мне твой немецкий юмор всегда казался странным. Идем, отдам анамнез, направления и результаты анализов. Гинеколог выписал ей противозачаточные, пусть принимает полгода. Нужно восстановить цикл, он у нее сбился. Таблетки помогут. Проследишь? Это в твоих же интересах.

– В моих?

– Ну, а как? Разве ты воспользоваться ей не собираешься?

И снова Сергей вывел меня из игры.

Нет, пользоваться Леной с панели я не собирался. Даже несмотря на медицинское заключение, она для меня оставалась больной. Тугодумием, простотой, глупостью. И я надеялся частично вылечить ее от этих болезней, но не до той степени, чтобы принимать ее как равную. Я просто не смогу принять её.

Уши у чучела оказались проколоты. Даже трижды! Но сразу вручать и надевать на нее подарок я не рискнул. По дороге домой сделал очередной заход объяснить ситуацию.

– Что значит, жить у вас буду? Мне ваще-то на работу ходить надо.

– Как это не работать? Я в столицу за этим и ехала!

– Ничо мне от вас не надо. Вот оплачено за сутки – ими и пользуйтесь. Можете того чернявого позвать, платили то за двоих.

– Я ни слова не поняла. Ваши проблемы – это ваши проблемы. С больной головы на здоровую не надо, лады?

Я сдался! Я взвыл! Это у меня, у меня больная голова?!

Заведенный, припарковал машину и выдернул чучело к подъезду.

Мутер… Буду надеяться, что ее сердце выдержит сегодняшние новости.

Мы вошли в лифт и я поднес магнитный ключ к кнопке четвертого этажа.

– А нафига это? Просто на кнопку нажать нельзя?

– Нет. У нас выкуплен весь этаж, лифт открывается в прихожей.

– Ну ничо се!

Она буквально вывалилась из открывшихся створок лифта в объятия растерявшейся матери.

– Что *это*?! – повышенный тон мутер не сулил легкого и приятного вечера.

– Знакомьтесь, Аделаида Марковна, супруга покойного профессора Отто Швайгера. Мама, это Елена.

Мутер поджала губы, а я предчувствуя разговор на повышенных тонах, быстро завел чучело на свою половину, велев ждать, и запер за ней дверь. К счастью в моей квартире все двери закрывались на ключ с двух сторон!

– Андрей, тебе придется объясниться!

– Безусловно. Пройдем в столовую?

За полчаса я обрисовал всю патовую ситуацию по пари и своей карьере в случае проигрыша. Мутер быстро прониклась.

– Надо брать девочку в оборот! И почему ты не позвонил мне раньше? Бедный мальчик, представляю как ты извелся!

– Ты не приняла звонок.

– Ох, да… Была занята, а потом забыла перезвонить.

– И с оборотом возникли проблемы. Девушка не идет на контакт.

– Что значит не идет?! От нее зависит твоя карьера! Конечно она пойдет на контакт.

– Мам, она не понимает ни слова из того, что я ей говорю. А мне нужно полное доверие, чтобы за четыре месяца обучить ее по максимуму!

– Иди, мой мальчик, освежись, переоденься. Я сама поговорю с этой… Как её?

– Елена. Но ей на данном этапе всё равно, как ты к ней обратишься.

– Нет, дорогой. Нужно сразу приучать ее отзываться на правильное имя. Значит, Елена? Ну что ж… Достань мне из верхнего шкафчика бальзам.

– Сейчас? Мам, по-моему, не самое подходящее время.

– Это не мне.

Все мои возражение мутер перечеркнула, захватив к бальзаму пару наперстков, ушла на мою половину. Выждав минуту, я отправился следом.

– Бедная девочка! Разве Андре не сказал, что будет тебе платить? Обязательно будет. За каждый день, за каждую хорошую отметку. Он же учитель! Очень одаренный учитель.

Я почти не различал, что в ответ говорило мое чучело, только шмыганье носом и всхлипывания.

– Конечно, но согласись, лучше зарабатывать деньги у приличного человека, чем каждый день у неприличных… О, Андре очень порядочный молодой человек, пользуется уважением…

Снова всхлипы с подвыванием и увещевания моей матери.

– Напугал? Бедную девочку!.. Он и правда доктор, но не врач. Очень образованных людей тоже величают докторами. А на что же тебе нужны такие большие деньги, которые мой Андре, конечно же, тебе заплатит?

Мне самому стало любопытно, зачем чучелу нужны деньги. Сделать новые ногти? Слетать в Париж и выложить в блог фотографии?

– О! О, девочка моя, ты вытянула козырь! Теперь, благодаря Андре, у тебя есть в столице квартира, его машина в твоем распоряжении и он лично будет учить тебя! Лично! Девочка, это огромная удача, от которой не отказываются! Сейчас я его позову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.